

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 106 (3607)

Четверг, 6 сентября 1956 г.

Цена 40 коп.

Наши Интервью

В Советском Союзе по приглашению ВОМКС гостила делегация Союза чехословацко-советской дружбы. В ее составе — представитель украинского национального меньшинства в Словакии, секретарь областного комитета Союза чехословацко-советской дружбы в Прешевской области И. Прокопич. Корреспондент «Литературной газеты» обратился к нашему гостю с просьбой рассказать о работе писателей, живущих в Чехословакии и создающих произведения на русском и украинском языках.

— Тот, кто побывал в Прешевской области, хорошо знает, что встретить человека, изъясняющегося украинским «мовом» или же чистячий русским языком, здесь, пожалуй, так же легко, как и на Полтавщине, — рассказал И. Прокопич. — В этой области живет около 120 тысяч украинцев языком, издавна поселявшихся тут. Раньше нас называли «русиными», а еще раньше — «туро-русиами» и «греко-католическими мадьярами» — что только не придумывали те, кто стремился порвать наши духовные связи с нашими братьями по ту сторону Карпат. А эти связи имеют свою традицию. Их поддерживали видавшие из наших провинций прошлого — Павлович и Духнович; последнему принадлежали памятные для каждого из нас слова: «За Карпатами не чужие, а своих».

Та литература на русском и украинском языках, которая существует сейчас в Чехословакии, также возникла не вдруг, ее лучшие представители всегда выступали за упрочение духовной близости между нами и нашими соседями на востоке. Достаточно вспомнить, к примеру, поэта, писавшего на русском языке, — Ставровского-Поправова, который активно работал в литературе в конце прошлого — начала нынешнего столетия. Он создал много страстных патриотических произведений, резко выступал против национального прорабщества его народа.

Последние десять лет — годы наиболее успешной работы многих литераторов. Сразу после войны выпустило два сборника стихотворений — «Белые облака» И. Манинского (на русском языке) и «Стихи голодных и преследуемых» Ф. Лазорика (на украинском). Большая часть этих произведений написана еще во время оккупации, их авторы призывают к борьбе против захватчиков. Приходу Советской Армии посыпала свою пылью «Наветчу весен». Е. Бис-Капишовская — драматург и художник. Пьеса, написанная на русском языке, была поставлена Государственным украинским национальным театром в Прешеве, который был создан вскоре после освобождения. Спектакли театра идут как на русском, так и на украинском языках. В его репертуаре — «Винный сад» и «Дядя Ваня» А. Чехова, «Женитьба» Н. Гоголя, «Ой, не ходи, Гриша» украинского драматурга Старицкого, произведениями чешских и словакских авторов, произведениями зарубежной классической драматургии.

В 1949—1950 г. у нас создается Общество украинских писателей, которое объединяет литераторов, пишущих на русском и украинском языках, и является филиалом Союза словакских писателей. Наши прозаики и поэты группируются вокруг двухнадельника «Дружно вперед» и выходящего четыре раза в год литературного альманаха «Дукля». Я расскажу вкратце о некоторых наших писателях.

В поэзии плодовоносят работает Ф. Лазорик, опубликовавший сборник «Великая сила». Часть произведений, вошедших в книгу, посыпана Москвой и Советскому Союзу, где побывал автор. Стихи на русском и украинском языках составили книгу «Наша речь» другого нашего поэта — И. Манинского. Он пишет о современной жизни народа, о том, что близко сердцу, что волнует каждого украинца и русского в Словакии. Разнообразен по тематике сборник стихов «В Карпатах» А. Карабелеша: здесь и прозаические, написанные автором в то время, когда он находился в фашистской концлагере, и строки, посвященные большим перемещениям национального народа, о том, что такое не может не волновать зонального секретаря.

Мы часто говорим: ближе к жизни, ближе к людям труда. Боец склонен даже предложить значительной части писателей навсегда переселиться в деревню. Но разве только в этом деле? Его ищет наилучший способ изучать своих героев в труде и в быту, тот всегда найдет его. Важно чувствовать пульс эпохи, рассматривать свое творчество как активное служение партии народу.

Облегченный подход к явлениям жизни никогда к добру не приводит. Надо понимать, в какой связи данное явление находится со всем потоком нашей советской жизни.

Итак, открывающаяся нам в трилогии Якуба Коласа, — это не произвольный, не самотечный, а художественно организованный, направляемый писателем поток. Автор не пассивно регистрирует все, что он видел и знает; из бесчисленного множества фактов он берет только такие, что наиболее полно раскрывают человеческую душу, обнажают ее всегда заметные пружины, которые приводят в движение отдельных людей и целые социальные группы.

Сколько раз бывал Коля над тем, чтобы помочь и на его рисунки уходили взгляды! Чтобы туда же убегали провода на телеграфных стойках, как это бывает на самом деле... Но ничего не получалось. Рельсы со спиралью вставали у него торчком поверх рисунка, как лестница, или перегораживали его вдоль, словно частокол... Не было пути — дороги поезду... Но вот suddenly, когда Коля... стал чертить пути от станции, он вдруг на какое-то мгновение, сперва ослепившись, но тут же словно сделавшись его необычайно зорким, увидел, что линии путей, уходя вдаль, сближаются, пока не склонятся совсем одной точке. И тут же, в эту точку на краю земли, тянутся и проводы — все, сколько их есть на стойках... Бумага словно проглатывает посередине, там, где Коля прочертит край земли. Коля нарисовал солнце, и оно выходило теперь оттуда, из неожиданно и чудесно возникшей глубины, из непостижимо образованной ими ухода, убегающей вглубь, туда, куда склонились пробы, и все сходилось в одной точке».

Характеры людей также имеют свою перспективу, законы своего движения. Человеческие поступки всегда могут быть объяснены уровнем сознания человека, своеобразием его эмоционального мира. Художник должен их изображать с точным учетом и пониманием этого уровня и этого своеобразия.

Бога читал первые главы романа азербайджанского писателя Ахмеда Рагимова «Моя семья», сразу же видишь, что писатель подметил в жизни интересные конфликты, характеры, достойные внимания. Иженер Садик временно возвысился над своим бывшим начальником Муралом и с первой же минуты, хотя и в шутку, заявляет, что теперь ему положено сидеть на заднем сиденьи, а рядом с шофёром. Становится ясно, что с таким человеком нечего будет иметь дело.

Но с какого-то момента писатель теряет перспективу и перестает следовать логике образа. Мурал слишком легко одерживает победу, на Садыка что-то уже очень быстро снисходит просветление. Значит, не до конца разгадана писателем суть этого общественного типа. Ахмед Рагимов взял интересную тему, правильно расставил противоборствующие силы романе, но погорел на «проработке» на бюро райкома смог осознать свои ошибки.

Молодой белорусский писатель Никола Ракитин, насколько мне известно, пока не намерен оставить квартиру в Минске, однако написал он интересный и жизненный рассказ «Один». Герой произведения Антон Маречкич ушел от своей семьи, полной злобы, на фронты, чтобы вернуться к жене, которая толкнула его на путь чести. Автор не принял во внимание, что в этом не только вина Сарафанова, но и его трагедия. Получается, что все правы, виноваты лишь Сарафановы; как будто можно требовать, чтобы этот человек, которого годами воспитывали неправильно, сразу после «проработки» на бюро райкома смог осознать свои ошибки.

Мухин-ата поздоровался с ними, прошелся по парку, в аллеях толпился народ, полюбовался танцами артистов областного театра, выпил пива, чая, принял ее из рук друзей, и, довольный, повернулся обратно к воротам колхоза. Мухин-ата спешно на свадьбу, куда его первым из односельчан привели родители жениха и невесты.

И вот он на свадьбе, в кругу гостей. Сидит на цветистом турецком ковре, занимает скамьи рассказами гостей, по-лучкому разместившихся по сторонам.

Хорошо придумали, что на празднике хлопка пригласили в наш парк всех колхозников района, — говорит он. — Пусть поговорят друг с другом по душам. Хорошо веселиться вместе!

Мухин-ата вспоминает свои молодые годы, полные незадач. — Ныне же, — говорит он, — наш колхоз — это дом, где живет радость!

Мухин-ата знакомит нас с председателем колхоза «Коммунизм» Махмудом Исматовым. Возглавляемое им коллективное хозяйство выросло в прошлом году тридцатицентнегородской урожай хлопка на 1131 гектаре земли. В этом году колхоз получил еще более богатый урожай и сдает государству по 35 центнеров «белого золота» на хлопкопункты «красным обозом», караевыми, наполняют сердца радостью.

По добродушному упорному труду во имя сегодняшнего богатого урожая. Белоснежные поля, великолепные обрасти всенародного праздника, первые караваны с хлопком, уже мчащиеся с красными знаменами соревнования, наполняют сердца радостью. По добродушной традиции советского народа хлопкоробы отправляют первые тысячи тонн «белого золота» на хлопкопункты «красным обозом», караевыми, наполняют сердца радостью.

По республике уже сданы первые сотни тысяч тонн хлопка.

Разгорается хлопковая страна.

Хамид ГУЛЯМ, корреспондент «литературной газеты» Ташкент

Две выучки писателя

И. ГЕРЦОВИЧ

односторонне, не видят взаимосвязи явления и даже их масштаба.

В Белоруссии за последние годы издано немало произведений о лихолитеянской деревне. Есть среди них книги хороших авторов, чтобы привлечь к ним внимание многих. Настоящий писатель по самой своей сути не может не изучать жизнь с повышенным интересом, не взаимодействовать в нее. В противном случае он перестает быть художником и превращается в ремесленника. Для художника само изучение жизни является творческим процессом.

Но для того чтобы этот процесс протекал успешно, от художника требуется очень многое. Чтобы видеть жизнь такой, какая она есть в ее сути, мало иметь зоркий глаз, — нужно еще горячая любовь к жизни. И взгляд должен быть чистым, не затуманенным предвзятостью или равнодушием. Можно увидеть явление и не понять его. Надо уметь видеть. Надо подходить к изучению жизни хорошо подготовленным. Речь здесь идет о идейной вооруженности писателя, о его общекультурной подготовке, и о знании изображаемой им области жизни.

Жизненная достоверность произведений, степень их воздействия на читателя во многом зависят от подхода писателя к сочинению материала — от широты охвата явлений жизни, от глубины проникновения в них. Недаром Алексей Максимович Горький говорил, что у писателя две выучки:

«Сколько раз бывал Коля над тем, чтобы помочь и на его рисунки уходили взгляды! Чтобы туда же убегали провода на телеграфных стойках, как это бывает на самом деле... Но ничего не получалось. Рельсы со спиралью вставали у него торчком поверх рисунка, как лестница, или перегораживали его вдоль, словно частокол... Не было пути — дороги поезду... Но вот suddenly, когда Коля... стал чертить пути от станции, он вдруг на какое-то мгновение, сперва ослепившись, но тут же словно сделавшись его необычайно зорким, увидел, что линии путей, уходя вдаль, сближаются, пока не склоняются совсем одной точке. И тут же, в эту точку на краю земли, тянутся и проводы — все, сколько их есть на стойках... Бумага словно проглатывает посередине, там, где Коля прочертит край земли. Коля нарисовал солнце, и оно выходило теперь оттуда, из неожиданно и чудесно возникшей глубины, из непостижимо образованной ими ухода, убегающей вглубь, туда, куда склонились пробы, и все сходилось в одной точке».

Сфера наблюдений подобных писателей ограничена. Они не замечают, что любое явление имеет свою близкую и дальнюю планировку, свою перспективу. А без постижения законов перспективы нельзя создавать жизненно достоверные картины. В повести Л. Касильского «Ранний восход» рассказали, как малолетний художник Коля Дмитриев сделал свое первое открытие:

«Сколько раз бывал Коля над тем, чтобы помочь и на его рисунки уходили взгляды! Чтобы туда же убегали провода на телеграфных стойках, как это бывает на самом деле... Но ничего не получалось. Рельсы со спиралью вставали у него торчком поверх рисунка, как лестница, или перегораживали его вдоль, словно частокол... Не было пути — дороги поезду... Но вот suddenly, когда Коля... стал чертить пути от станции, он вдруг на какое-то мгновение, сперва ослепившись, но тут же словно сделавшись его необычайно зорким, увидел, что линии путей, уходя вдаль, сближаются, пока не склоняются совсем одной точке. И тут же, в эту точку на краю земли, тянутся и проводы — все, сколько их есть на стойках... Бумага словно проглатывает посередине, там, где Коля прочертит край земли. Коля нарисовал солнце, и оно выходило теперь оттуда, из неожиданно и чудесно возникшей глубины, из непостижимо образованной ими ухода, убегающей вглубь, туда, куда склоняются пробы, и все сходилось в одной точке».

Сфера наблюдений подобных писателей ограничена. Они не замечают, что любое явление имеет свою близкую и дальнюю планировку, свою перспективу. А без постижения законов перспективы нельзя создавать жизненно достоверные картины. В повести Л. Касильского «Ранний восход» рассказали, как малолетний художник Коля Дмитриев сделал свое первое открытие:

«Сколько раз бывал Коля над тем, чтобы помочь и на его рисунки уходили взгляды! Чтобы туда же убегали провода на телеграфных стойках, как это бывает на самом деле... Но вот suddenly, когда Коля... стал чертить пути от станции, он вдруг на какое-то мгновение, сперва ослепившись, но тут же словно сделавшись его необычайно зорким, увидел, что линии путей, уходя вдаль, сближаются, пока не склоняются совсем одной точке. И тут же, в эту точку на краю земли, тянутся и проводы — все, сколько их есть на стойках... Бумага словно проглатывает посередине, там, где Коля прочертит край земли. Коля нарисовал солнце, и оно выходило теперь оттуда, из неожиданно и чудесно возникшей глубины, из непостижимо образованной ими ухода, убегающей вглубь, туда, куда склоняются пробы, и все сходилось в одной точке».

Сфера наблюдений подобных писателей ограничена. Они не замечают, что любое явление имеет свою близкую и дальнюю планировку, свою перспективу. А без постижения законов перспективы нельзя создавать жизненно достоверные картины. В повести Л. Касильского «Ранний восход» рассказали, как малолетний художник Коля Дмитриев сделал свое первое открытие:

«Сколько раз бывал Коля над тем, чтобы помочь и на его рисунки уходили взгляды! Чтобы туда же убегали провода на телеграфных стойках, как это бывает на самом деле... Но вот suddenly, когда Коля... стал чертить пути от станции, он вдруг на какое-то мгновение, сперва ослепившись, но тут же словно сделавшись его необычайно зорким, увидел, что линии путей, уходя вдаль, сближаются, пока не склоняются совсем одной точке. И тут же, в эту точку на краю земли, тянутся и проводы — все, сколько их есть на стойках... Бумага словно проглатывает посередине, там, где Коля прочертит край земли. Коля нарисовал солнце, и оно выходило теперь оттуда, из неожиданно и чудесно возникшей глубины, из непостижимо образованной ими ухода, убегающей вглубь, туда, куда склоняются пробы, и все сходилось в одной точке».

Сфера наблюдений подобных писателей ограничена. Они не замечают, что любое явление имеет свою близкую и дальную планировку, свою перспективу. А без постижения законов перспективы нельзя создавать жизненно достоверные картины. В повести Л. Касильского «Ранний восход» рассказали, как малолетний художник Коля Дмитриев сделал свое первое открытие:

«Сколько раз бывал Коля над тем, чтобы помочь и на его рисунки уходили взгляды! Чтобы туда же убегали провода на телеграфных стойках, как это бывает на самом деле... Но вот suddenly, когда Коля... стал чертить пути от станции, он вдруг на какое-то мгновение, сперва ослепившись, но тут же словно сделавшись его необычайно зорким, увидел, что линии путей, уходя вдаль, сближаются, пока не склоняются совсем одной точке. И тут же, в эту точку на краю земли, тянутся и проводы — все, сколько их есть на стойках... Бумага словно проглатывает посередине, там, где Коля прочертит край земли. Коля нарисовал солнце, и оно выходило теперь оттуда, из неожиданно и чудесно возникшей глубины, из непостижимо образованной ими ухода, убегающей вглубь, туда, куда склоняются пробы, и все сходилось в одной точке».

Сфера наблюдений подобных писателей ограничена. Они не замечают, что любое явление имеет свою близкую и дальную планировку, свою перспективу. А без постижения законов перспективы нельзя создавать жизненно достоверные картины. В повести Л. Касильского «Ранний восход» рассказали, как малолетний художник Коля Дмитриев сделал свое первое открытие:

«Сколько раз бывал Коля над тем, чтобы помочь и на его рисунки уходили взгляды! Чтобы туда же убегали провода на телеграфных стойках, как это бывает на самом деле... Но вот suddenly, когда Коля... стал чертить пути от станции, он вдруг на какое-то мгновение, сперва ослепившись, но тут же словно сделавшись его необычайно зорким, увидел, что линии путей, уходя вдаль, сближаются, пока не склоняются совсем одной точке. И тут же, в эту точку на краю земли, тянутся и проводы — все, сколько их есть на стойках... Бумага словно проглатывает посередине, там, где Коля прочертит край земли. Коля нарисовал солнце, и оно выходило теперь оттуда, из неожиданно и чудесно возникшей глубины, из непостижимо образованной ими ухода, убегающей вглубь, туда, куда склоняются пробы, и

НА МИУСЕ

Г. ШОЛОХОВ-СИЯВСКИЙ

Если хотят сравнить что-либо с тем, что человеку особенно полюбилось или привлекалось с детства, или когда желают провести какую-то живую, образную параллель, то обычно говорят: «А у нас на Волге», «А у нас на Урале» или «У нас на Дону». Но той же причине мне хочется начать свои заметки словами: «У нас на Миусе...»

Миус и Дон текут почти рядом. В них зовутся отдельными из него-насвего семидесят-восемидесят километров. А еще ниже — между устьями — и того меньше. Но на Миусе, если приглядеться ближе, иные, чем на Дону, и степь, и горы, и пески, и тот непереводимый тончайший колорит, который свойственен только Приазовью. Ведь здесь, на Миусе, тесно смыкаются Западное Подонье и древнее Дикое поле.

Сама по себе река Миус, может быть, и не столь велика и не стала знаменита, чтобы о ней писать. Она стала широко известной только во времена Великой Отечественной войны. Но Миус-Фронт пролегали рубежи Советской Армии в дни ожесточенной обороны. Отсюда наши войска сделали гигантский бросок, положивший начало освобождению Тавриды.

Но примусская степь славна и сама по себе. Ее облик навсегда запечатлен в русской литературе. Это и есть та самаяальная поэтического очарования степь, которую воспел А. П. Чехов в своей бесмертной повести. Эти поэты, по примусской степени, ехали чеховским Егорушки и с возом, нагруженного перстерь, смотрели на замумиевые курганы, лопинцы и балки, неоглядные, поросшие будяками толоки, пышки и глухие степные криницы. С того времени минуло семьдесят лет. В приазовской степи многое изменилось, но характерные премытия ее сохранились и поняне. Остались и глухие балки, и заброшенные криницы, и прежнее степное очарование, и хотя прилюстрились, но все еще гордо стоят старые, словно временные курганы.

Почти неуволима и особенно легка тонкая по сочетанию блеклых тонов гамма красок примусской степи, последние дни уборочной страды. Уже не отливают смуглой желтиной потемневшие от частых лождей массивы полей: хлеба скоплены и обмолочены и лишь кончики неубранной соломы еще лежат на сырье степных вымощенных редами, как застывшие буристые волны. В степи стало совсем тихо. Тишина изрекла нарушают бегущие элеваторами грузовики, которые везут последние тонны светлозерной пшеницы.

Тяжела была жатва в нынешнем году и на Миусе. По несколько раз на день налетали дожди с грозами и шквалами. Не успевали выглянуть солнце и просохнуть тяжелые, начинавшие землисто чернеть колосья, как вновь надвигалась туча и обрушивалась лихень. Хлеба во многих местах полегли, их особенно трущо было убирать. Но никогда потери не были сведены до такого минимума, как в нынешнем году. Помогла этому, конечно, разделенная уборка.

Теперь самые тяжелые испытания позади. Многие примусы уже расправляют усталые спины. Большой урожай убрали,

Судья

1. Еще до встречи, как это бывает, у меня сложилось свое определенное впечатление о человеке. И фамилия судьи, и тот характерный украинский говор, который я услышала по телефону, — все это настроило меня определенным образом. Я рассчитывала встретить человека лет пятидесяти, крепкого, бритоголового, из тех, кого обычно называют уважительным словом «бата».

Но вот передо мной народный судья Иван Христович Бужера. Возраст — немного за тридцать. Высокий, стройный, в облике есть то, что строгое, чистое — по-юношески вспыхивает румянцем на щеках.

Бужера — сын запорожского хлебороба, двенадцатый ребенок в семье. («Теперь у нас колхоз — мильонер! Представьте и его заместитель — мой школьные товарищи. Это редкий год, чтобы я в долине селе не побывал!»). После окончания десятилетки его, как и многих сверстников, попало в армию — очень уж отчетливо чувствовалось приближение нависшей над Европой военной грозы. На память от тех лет сохранилась выцветшая фотография — выпуск энциклетной школы. («Сталось в живых пятеро: этот — Герой Советского Союза, а с этим мы, помимо, наперегонки стихи в училке писали, теперь он слепой — ему выжгли глаза»).

В сорок шестом офицер Бужера демобилизовался. На заочном отделении юридического института она пришли одновременно с товарищем-однополчанином. Все экзамены решили сдавать в сжатые сроки и только на пятерки. Поневоле будешь торопиться — вот преподавательница по политической истории совсем молоденькая, ее и по имени-отчеству неловко величать, хочется назвать просто Ниной, а часок сколько она их обогнала!

...Обыкновенная жизнь. Самая обыкновенная жизнь. Вечерами учился, лежал на

ложате воды в нем становятся. А ведь мы решаем на будущий год расширить подъезд под посев риса. Земля здесь золотая, рис хорошо должен родить. Да и огорода у нас хорошие, теплые.

Но, пожалуй, самая большая забота, которая волнует сейчас колхозников, — это тревога за родной Миус — единственный источник пресной воды в земельных местах. Эта тревога особенно понятна старожилам. Они говорят, что Миус мелеет, сильно заливается, что мягкие черноземные берега его осыпаются, сползают к руслу с каждым годом все больше и больше. И там, где глубина, как говорят, была «с головой», теперь, летом, можно перейти реку вброд. Все заместите сокращается на Миусе лебеди воды. Миус — одна из рек, воды которой напоминают главным образом, за счет множества родников. Но родники здесь по балкам заносятся илом, исчезают, или, по местному выражению, «засыпают», один за другим.

Одна из причин заливания и обмеления Миуса — это слишком близкое к берегу распахивание земель, которые раньше были водами уносились русло реки, другая — уменьшение прибрежных рощ и отсутствие новых лесных насаждений. Раньше, как говорят старожилы, по берегам Миуса было много тени, — здесь росли и вербы, и вековые лубы, и ясень, и тополь, да и сады были значительны. Теперь берега Миуса заметно оголились. Особенно большое опустошение садов и рощи настало войной. Человек, который здесь родился и вырос, помнит, какими были Миус двадцать, тридцать и даже сорок лет тому назад, и перенес последних лет ему особенно бросаются в глаза.

Скажут, что Миус-де какая-то малая степная речка длиной всего в 316 километров. Стоит ли о ней так тревожиться, ведь таких рек в Советском Союзе великое множество? Да, это не Дон, не Волга, не Днепр. Но ведь бассейн Миуса охватывает 7.080 квадратных километров плодородных степных земель. Цифра эта мне думается, тоже не маленькая, и она наводит на беспокойные размышления. Степные земли все больше и больше нуждаются во влаге, в искусственном орошении огородных, прилегающих к Миусу, плодородных садов и садов. Степи и криницы размываются, как размываются сады, и Миуса становится еще опаснее.

Доказывал он, что придет еще несколько лет и «замуление» Миуса увеличится во много раз и что это отразится на техническом и бытовом воспитании Таганрога и на урожайности прилегающих к Миусу полей. И, конечно, это будет прямым ударом по доходности колхозов. Чтобы это не случилось, нужно уже теперь подготовиться к Миусу. В области наблюдается и маштабы для очистки русла и необходимые средства для облегчения берегов. А главное, было бы разумно провести отчуждение пахотных колхозных земель в полосе 20—30 метров от Миуса. Это позволило бы произвести лесные насаждения по обоим берегам и предохранить их от разрушения и смыть пахотного слоя земли в реку. Так советуют сделать и наши колхозники.

— Но, как ни старалась доказывать разумность этих предложений, — говорит Каменюкин, — обсуждать их в облисполкоме отказалось.

Понятно, что судьба реки Самбек может постигнуть и Миус. С каждым годом все больше и больше пересыхает и сокращается ее плодороднейшая пойма, на реке местами уже образовались угрожающие перекаты и мели. Все трухне становятся отчывать различными насосными установками воду из огорода, на первые любовно обрабатываемые колхозниками рисовые поля.

Рисовый колхоз имени Сталина Неклиновского района Татьяна Васильевна Иванова, отвечая на вопрос — ходят ли вы в этом году рис, с первых же слов вспоминает ту же заботу, которая волнует всех примусов:

— Рис-то вырастет, и убрать его придется, но вот Миус нам мелеет, ма-

ловато воды в нем становится. А ведь мы решаем на будущий год расширить подъезд под посев риса. Земля здесь золотая, рис хорошо должен родить. Да и огорода у нас хорошие, теплые.

Тревогу Татьяны Васильевны разделяет и колхозный агроном Тина Ивановна Баранова. Всюду, куда бы вы ни зашли — вправление колхоза, на бригадный стан, в кабинет секретаря райкома или председателя райисполкома, — всюду то же беспокойство: как уберечь Миус от обмеления, как сделать его более половодным источником повышения доходности примусских колхозов. И это понятно: вопрос о воде для земельных районов, да и для самого Таганрога, — не праздный, не «прожекторский», а жизненно необходимый и очень острый вопрос.

Очень горячо, пожалуй, горячее, чем на иных крупных областных съездах, обсуждаются здесь насущные вопросы, потому что иной раз решение какой-нибудь, с общегосударственной точкой зрения, маленькой задачи, например, как построить моста через зауженную речку, заслоняющую движение автомобилей, требует от людей не меньше настойчивости и упорства, чем какая-нибудь большая проблема областного масштаба.

К сожалению, многие областные руководители очень неохотно работают с людьми районных и сельских ассоциаций. С большой горечью рассказывают секретарь Неклиновского райкома Иван Николаевич Каменюкин о том, как он обратился с возмущенным письмом в ростовские областные организации, в котором выразил недовольство действиями администрации, в которых нарушены права колхозов как раз в многом и занимает оного для оказания помощи в неотложных мероприятиях по мелиорации примусской поймы, по расчистке и углублению русла реки, по облесению берегов Миуса.

— Я написал, думая, что меня поддержат. А меня даже выбрали за это. Ты, говорят, решил текущие задачи, какие решают вся область и вся страна, а не пускайся в местные проекты, — с обидой рассказывает тов. Каменюкин. — Я стал доказывать, что повышение доходности колхозов как раз во многом и зависит от того, в каком состоянии находятся такие малые реки, как Миус.

Доказывал он, что придет еще несколько лет и «замуление» Миуса увеличится во много раз и что это отразится на техническом и бытовом воспитании Таганрога и на урожайности прилегающих к Миусу полей. И, конечно, это будет прямым ударом по доходности колхозов. Чтобы это не случилось, нужно уже теперь подготовиться к Миусу. В области наблюдается и маштабы для очистки русла и необходимые средства для облегчения берегов. А главное, было бы разумно провести отчуждение пахотных колхозных земель в полосе 20—30 метров от Миуса. Это позволило бы произвести лесные насаждения по обоим берегам и предохранить их от разрушения и смыть пахотного слоя земли в реку. Так советуют сделать и наши колхозники.

— Но, как ни старалась доказывать разумность этих предложений, — говорит Каменюкин, — обсуждать их в облисполкоме отказалось.

Понятно, что судьба реки Самбек может постигнуть и Миус. С каждым годом все больше и больше пересыхает и сокращается ее плодороднейшая пойма, на реке местами уже образовались угрожающие перекаты и мели. Все трухне становятся отчывать различными насосными установками воду из огорода, на первые любовно обрабатываемые колхозниками рисовые поля.

Рисовый колхоз имени Сталина Неклиновского района Татьяна Васильевна Иванова, отвечая на вопрос — ходят ли вы в этом году рис, с первых же слов вспоминает ту же заботу, которая волнует всех примусов:

— Рис-то вырастет, и убрать его придется, но вот Миус нам мелеет, ма-

ботая в райисполкоме Железнодорожного района Москвы. Поставили на тяжелый участок — жилищную. Всегда прием, ходил по квартирам; сталкивался с самыми больными вопросами, с трудными человеческими судьбами. Случалось, выступал по жилищным вопросам в суде. Рис жизненный опыт; в существо посвященных, казалось бы, мелких дел рождалось понимание людей и обстоятельств, общественной зоркости.

Как-то вечером Бужера, страждая снегом, отогревая замерзшие уши, сказал жене:

— Хотят, Нина, выдвигать меня народным судьей.

Дело было четыре года назад. Он был еще тогда студентом.

— А ты... сумеешь? — У жены со званием народного судьи соединялось что-то большее.

Идет судебное заседание. Ответчик — с намечавшимися брюшком, одет в добродотное кожаное пальто. Держится свободно — он встречался с Бужером на различных районных совещаниях, даже в президиуме рядом сидели.

— За что была уволена гражданка К.? — спрашивали судьи.

Гражданка П., цветовод, ухала в деревне, заболела там воспалением легких и возвратилась из отпуска на три дня позже срока.

Предъявила директору справку врача с печатью — за больничным листом — с высокой температурой надо было ехать 25 километров до районного центра. Директор со справкой не посчиталась, объявила П. прогулницей, подписала приказ о выселении из общежития.

Петр Степанович стоит на вышитой скамье.

— Вот вы руководитель. Что же у вас получается?

— Вы эту флигельную грамоту за подпись купила. — Бужера резко остановил директора. Но ответчик продолжал:

— Вы не знаете этот народ, товарищ Бужера. У вас своих работ, у меня своих.

Их надо держать в! А фабрик наш... — сидит, хлопнув полами пальто, как наездка крыльями. — Лодыри там, вот лодыри и защищают.

Судья Бужера темнеет густым румянцем.

— Встаньте. Не научились ли сих пор уважать трудового человека, уважать со-

ветский суд...

Петр Степанович стоит и слушает.

— Я оправдываюсь. Зал полон, некоторые стоят. Но разве только это — аудитория судьи? Сослуживец рассказывает служивому:

— «Однажды сама судья».

Судья — не только судья, она — судья и

судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

Судья — не только судья, она — судья и судья и судья...

ЦЕННОСТЬ литературоведческого исследования зависит не только от способностей, научной подготовки и эрудиции автора. Когда мы раскрываем

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Путь поэта и литературный процесс

Л. ЛАЗАРЕВ

сейчас многие книги критиков и историков литературы, то обычно находятся в них и изыски, которые следуют отнести за счет слабостей, присущих литературоведческой науке, и недостатков, вина за которые падает уже исключительно на автора исследования. Если не помнить об этом, вряд ли можно объективно оценить трудченого или критика. Именно в таком объективном подходе нам кажется, нуждается недавно вышедший в издательстве Академии наук СССР второй том монографии В. Перцова, посвященный жизни и творчеству Маяковского.

1. Книга охватывает период с конца 1917 до начала 1925 года. Это были годы сложной и острой классовой борьбы, трудные годы гражданской войны и изна. Литературная жизнь той поры представляет собой картину чрезвычайно пеструю: разнообразные литературные группы, зачастую с весьма туманными эстетическими программами, а иногда даже и без таковых; осточерченные литературные дискуссии, по сути вопросам и часто бесплодные; поразительные достижения молодой советской литературы и произведения, в которых отразились заблуждения и противоречивые взгляды некоторых писателей.

Маяковский был в самой гуще этой пестрой и бурной, как весянине половодья, литературной жизни. Выделить и раскрыть в поэзии Маяковского главное, найти и объяснить то, что определило развитие поэзии, его творческий путь, — дело совсем не такое легкое, как это может показаться.

Плакаты РОСТА и «Люблю», «Про это» и «Владимир Ильин Ленин» — ведь многим это казалось несомненным, противоречивым одно другому. Были и такие, кто считал, что истинная поэзия — только «Про это». Иными же эта поэзия казалась эпизодом, достойным сожаления, хотя и слушаем в жизни поэта. Сходились на одном: в творчестве Маяковского два обособленных друг от друга идейно-тематических потока.

В. Перцов снимает такое противопоставление, убедительно показывая внутреннее единство всей поэзии Маяковского послереволюционной поры.

Темы революции и Родины, народа и партии, борьба со всем, что мешает великим и справедливой перестройке мира, — вот главное в поэзии Маяковского, вот то, что делает ее внутренне цельной. И, как фокус, в котором собираются все луны, — образ Ленина, «самого человечного человека», образ, в который вложена вся поэтическая мощь могучего таланта Маяковского. Автору монографии удалось показать, что «я себя под Лениным чину, чтобы плыть в революцию дальше» — не просто счастливо найденный поэтический образ. Мысли, выраженная в этих строках, — это кredo Маяковского, движитель его поэзии.

Путь идейного возмущения Маяковского характеризован В. Перцовым широко и обстоятельно. Да, обстоятельно! Одна из хронических болезней нашего литераторства — это касается уже не только работ о Маяковском — неумение рассказывать о писателе так, чтобы не упустить из поля зрения его многообразных и сложных связей в литературе — и современниками, и с предшественниками. Очень часто в рецензиях приходится читать унылую фразу: «К сожалению, автор не сумел воссоздать литературный фон...». Но, увы, это не просто «фон», а литературный процесс, и взятые вне его творчество писателя утрачивают живые и весьма существенные черты. И чем оригинальнее писатель, тем шире и сложнее его литературные связи. «...Как прежде писатели русские объясняют Пушкина, так Пушкин объясняет последовавших за ним писателей», — говорил Белинский, и эта мысль может быть отнесена к творчеству каждого большого художника.

Путь Маяковского иногда перекрещивался, иногда шел в одном направлении с путями других современных поэтов. Многие интровертируют его творчество с классической поэзией. В. Перцов, свободно оперируя богатым и часто новым, не вошедшем в «критический обход» историко-литературным материалом, рассматривает поэзию Маяковского в общем потоке литературы. А это — немалое достоинство.

Но иногда, об этом тоже справедливо, ради следует сказать, обстоятельность в монографии В. Перцова становится чрезмерной, и случайные, не имеющие прямого отношения к поэзии Маяковского факты проникают на страницы книги, уводя в сторону от главного и лишая анализ це-же-стремленности. Многие из них сами по себе любопытны, но и только. Для понимания творчества Маяковского они вряд ли нужны. Какое, например, отношение к «Мистерии-буфф» имеет тот факт, что в средневековых мистериях, получивших распространение во Франции и Англии, «...тема всемирного потопа занимала... большое место?». Зачем в главе о поэзии «Про это» сообщать, что в 1922 году, когда Маяковский закурил свое произведение, во «Всемирной литературе» вышла книга К. Чуковского об О. Уайльде, тут же добавляя, что и «...без этого живого напоминания все хорошо помнили произведение Уайльда?». Подобных «живых напоминаний» по любому поводу можно отыскать немало, но следует ли писать об этом? И почему нужно напоминать о книге К. Чуковского, а, скажем, не изданном отдельной бронюю в 1921 году известном локале А. Блока «О современном состоянии русского символизма», где тоже шла речь о «Балладе Радинской тьмы»?

Ответ на этот вопрос невозможен, потому что и книга К. Чуковского, и локал А. Блока одинаково далеки от тех проблем, которые поставлены В. Перцовым в связи с поэмой «Про это». Все это остатки строительных лесов, без которых нельзя обойтись, когда возводится здание научного исследования, которые должны быть безжалостно убраны после окончания работ.

Чем меньше сухого научообразия, тяжеловесной витиеватости, водянистых общих формулировок, тем чаще и охотнее читатель будет обращаться к литературо-литературским книгам, тем шире будет аудитория критика и весомее плоды его труда. К сожалению, литературоведческие книги, принятые мас-литературным читателем, полуничие популарность, — пока еще счастливые исключи-

пость за границу, чтобы глязю обливать н о в у ю власть. — такие ведь тоже были! «Пр и ним а т и л и п и м а т ь» — для деятелей искусства отношение к революции было большевикам было центральным вопросом времени. На этот вопрос отвечали по-разному: здесь был основной «вводораздел», деливший литературу. Справедливо воя против формалистической эстетической программы футуристов, В. Перцов забывает об этом. Он обрушивает даже некую общность у Маяковского, написавшего «150 000 000», и у находившегося в то время в эмиграции А. Толстого, отнюдь не испытывавшего тогда симпатий к большевикам. А Маяковский и футуристы оказываются в разных лагерях. Верно ли это?

Футуризм уже стал достоянием истории. И чаще всего это происходит там, где автор приступает к анализу мастерства. В. Перцов был прав, когда в «Литературной газете», опубликованных в «Литературной газете», писал, что для этой цели недостаточно «...кругоповорота, рассмотрение тех или других элементов произведения». Нужно раскрыть, почему добросовестные творческие приемы, по словам Маяковского, «...дают бесконечное удовлетворение и верную формулировку взгляду, ликтуму, чувствуему мыслы», выяснять, как связаны они с общим замыслом произведения. Нужно, наконец, отыскать, в чем объяснение стихотворных строк — «секрет поэзии», передать то неповторимое ощущение, которое вызывают эти строки только этого, а не какого-либо другого поэта. Все это сделает очень трудно, и часто В. Перцов не удастся раскрыть властную силу членов и звенищ стихов Маяковского. Кто, как Маяковский, умея находить для каждой значительной темы оригинальное поэтическое решение? А В. Перцов, например, о сатирических стихах пишет так же, как, скажем, о «Юбилейном».

Именно здесь, когда В. Перцов говорит о мастерстве Маяковского, появляются в исследовании и общие фразы, которые уже давно knownut из одной книги в другую, почти не задерживая нашего внимания (вроде: «В каждой строфе — синтез многих событий. Широкий мазок и быстрота отличают кисть Маяковского»), и чуть ли не «знатомическое вскрытие» стихов (например: «Последняя строфа была подлинно патетической в своей вопросительно-отрицательной интонации, создавая образ, сильный своим двойным значением...»), и даже знаменитое глубокомыслие («...Пример вербально сложной борьбы под огнем критики постепенно выясняется, что следует взять в прошлом, от чего отказаться. Буйные в огненных атаках футуристов на классическую наследие не могли принести пользы, не спор со старым искусством было исторически неизбежно. Новаторство — органическое свойство нашего искусства — часто принимало у футуристов уродливые формы. Но, отрица уродства, не будем делать вид, что новаторство не так необходимо, как освоение традиций. Новаторство — это позиция, а в поэзии, а когда ищут, часто ошибаются. В дневнике А. Блока после вторжения властной силы на постулатов борьбы, на паркете молодой поэт-сатирик Евгений Копылов. Об ораторе, замутившем слушателей пустопорожней болтовней: о Семене Дуде, страшном обожателе советской и «птичий» — мероприятие, мол, проведено, о «незаменимом» Никониме Мастакове, который

Полгода был товарами, Хоти товар ему неведом. Был виноделом год подряд. Ушел, закуской неполовин. Был астрономом, но уволен, как безнадежный ворхляд

2. Причины отставания критики и литературоведения искали долго. Сегодня уже ясно, что давали атмосфера культуры личности и здесь дала себя знать. И здесь распространялись бесплодные догматизм и убогое начертательство, и здесь за последнее и непрекращаемое слово науки иногда выдавались положения по меньшей мере недобросовестные, а бывали, и вовсе несостойчивые.

Вопрос этот осложняется еще одним обстоятельством. Для некоторых футуристов, в первую голову для Маяковского, лозунг: «Долой классиков!» — был лишь тактическим и вовсе не понимался буквально. «Товарищ говорит, что я прямо целиком уничтожаю всех классиков», — сказал Маяковский незадолго до смерти, 25 марта 1930 года. — Никогда я этим глупым делом не занимался...» (подчеркнуто мною). — Л. Л.). Говоря это, Маяковский не кричал душой. Однако были среди футуристов и такие, что изо всех сил стремились на практике осуществить великий лозунг «ликвидации» классиков. Но всегда во всех литературных направлениях и течениях находились художники, обычно слабые, которые любят, даже самые верные теоретические принципы и лозунги доводили до полной бесмыслицы, что, кстати, и губило их небольшой талант. Значит, здесь тоже все обстоит не совсем так, как это получается в некоторых исследованиях.

Необходимо также внимательно разобраться в истории Лефа, впрочем, как и других литературных групп. Возникли ли они как приехали туда или иных литераторов, по воле каких-то, большей частью случайных, обстоятельств, или они были вызваны к жизни историческими условиями, в которых тогда формировалась советская литература? Были ли они совершенно бесплодны, так ничего и не дав литературе, или на первых порах, в первые годы их деятельность имела и положительное значение? Не все эти вопросы ответов все еще нет. Вместо них мы находим обычно лишь настороженное, опасливое отношение к группировкам, когда каждое утверждение расплывается в многочисленных оговорках.

В монографии В. Перцова настороженное отношение к Лефу выразилось хотя бы в том, что автор все свое внимание сосредоточил на конфликтах и столкновениях между Маяковским и лефовцами. Но же их все-таки обединяло? Мы не только не получим ответа на этот вопрос, но у нас даже складывается впечатление, что Маяковский организовал Леф, чтобы бороться с лефовцами. Пришло время во всем этом разобраться объективно и серьезно.

Мы не стремились охарактеризовать место и значение футуризма и Лефа в истории советской литературы. Это нужно делать не в газетной статье и даже не в скромнейшем дискуссионе. Междудом, это искренне искренним — «выявлять свое индивидуальное лицо». Сложные проблемы истории советской литературы, на наш взгляд, могут быть решены не в скоротечных памятных схватках, а в творческом споре учёных, которые, с марксистскими позициями исследуя литературный процесс в своих работах, внимательно и не предвзято взвешивали все за и против.

И если разговор об этом возник в связи с монографией В. Перцова, то не для того, чтобы поставить ему вину проблеме литературоведческой науки, а потому, что В. Перцов — один из тех исследователей, которые могут восполнить эти пробелы, отыскать историческую истину. В этом убеждает второй том монографии, в котором шла речь: удалось же В. Перцову глубоко и многосторонне охарактеризовать сложные взаимоотношения Маяковского и Мейерхольда, выяснить, что обеяли эти художников и где они расположились. И думается, что В. Перцов, завершая и рецензируя свою монографию о Маяковском, вернется к некоторым проблемам, чтобы решить их глубже и по-новому.

растет и развивается литература Советской Молдавии. Активнее стали работать сейчас молдавские писатели в различных жанрах. Господин Гомадин выпустил в этом году романы А. Липкана «Дорога толстяка» и Ф. Владаша «Свобода буря», роман в стихах Ем. Букова «Город Руэт», рассказы Ф. Пономаря и И. Герасимова, повесть молодого писателя А. Шалья «Земли встречаются» и т. д. Новые произведения молдавских писателей печатаются в двух литературных журналах, выходящих на молдавском и русском языках.

О некоторых новых произведениях, опубликованных за последние времена в Молдавии, мы коротко и расскажем...

В. Молдавии опубликовано...

Рисунки акварелью

Жил на свете бедняк... — начинает одну из своих сказок молдавский поэт Генрик Менок.

...Жил беднее церковной мыши Со своей женой. Под дырявой Помолиной крышией, В избушке дрянной, Открытой ветрам, непогодам. И всем житейским невзгодам.

Поэт насторопился — рассказывает о поклоняющемся сметливого и несущивающего молдавского крестьянина, а вы несет да и отрывается от сказки, сравнивает ее с другими стихотворениями и постепенно начинает убеждаться: поведать о судьбах таких вот бедняков и есть, по-видимому, литературное призвание Георгия Менока, писавшего в «Молдавии».

Направление поэзии Г. Менока определилось еще в 30-е годы, когда его родина была провинцией боярской Румынии и поэт «детским стихами... описывал недетские печали», дав клятву «творить на зло невзгодам», сражаться с ненавистным угнетением.

А позже определились и новые стороны его дарования. Поэт сам — я имею в виду стихотворение «Акварель» — помогает нам познать наиболее интересные особенности своей художественной манеры. Он вглядывается в «столпы» и «бледные» образы, сложенный тайной ненавистью и гневом. Это уже совсем особенный рисунок: акварель, помогающая проникнуть в сокровенные псымы простого человека.

Направление поэзии Г. Менока определилось еще в 30-е годы, когда его родина была провинцией боярской Румынии и поэт «детским стихами... описывал недетские печали», дав клятву «творить на зло невзгодам», сражаться с ненавистным угнетением.

А позже определились и новые стороны его дарования.

Поэт сам — я имею в виду стихотворение «Акварель» — помогает нам познать наиболее интересные особенности своей художественной манеры. Он вглядывается в «столпы» и «бледные» образы, сложенный тайной ненавистью и гневом. Это уже совсем особенный рисунок: акварель, помогающая проникнуть в сокровенные псымы простого человека.

Направление поэзии Г. Менока определилось еще в 30-е годы, когда его родина была провинцией боярской Румынии и поэт «детским стихами... описывал недетские печали», дав клятву «творить на зло невзгодам», сражаться с ненавистным угнетением.

А позже определились и новые стороны его дарования.

Поэт сам — я имею в виду стихотворение «Акварель» — помогает нам познать наиболее интересные особенности своей художественной манеры. Он вглядывается в «столпы» и «бледные» образы, сложенный тайной ненавистью и гневом. Это уже совсем особенный рисунок: акварель, помогающая проникнуть в сокровенные псымы простого человека.

Направление поэзии Г. Менока определилось еще в 30-е годы, когда его родина была провинцией боярской Румынии и поэт «детским стихами... описывал недетские печали», дав клятву «творить на зло невзгодам», сражаться с ненавистным угнетением.

А позже определились и новые стороны его дарования.

Поэт сам — я имею в виду стихотворение «Акварель» — помогает нам познать наиболее интересные особенности своей художественной манеры. Он вглядывается в «столпы» и «бледные» образы, сложенный тайной ненавистью и гневом. Это уже совсем особенный рисунок: акварель, помогающая проникнуть в сокровенные псымы простого человека.

Направление поэзии Г. Менока определилось еще в 30-е годы, когда его родина была провинцией боярской Румынии и поэт «детским стихами... описывал недетские печали», дав клятву «творить на зло невзгодам», сражаться с ненавистным угнетением.

А позже определились и новые стороны его дарования.

Поэт сам — я имею в виду стихотворение «Акварель» — помогает нам познать наиболее интересные особенности своей художественной манеры. Он вглядывается в «столпы» и «бледные» образы, сложенный тайной ненавистью и гневом. Это уже совсем особенный рисунок: акварель, помогающая проникнуть в сокровенные псымы простого человека.

Направление поэзии Г. Менока определилось еще в 30-е годы, когда его родина была провинцией боярской Румынии и поэт «детским стихами... описывал недетские печали», дав клятву «творить на зло невзгодам», сражаться с ненавистным угнетением.

А позже определились и новые стороны его дарования.

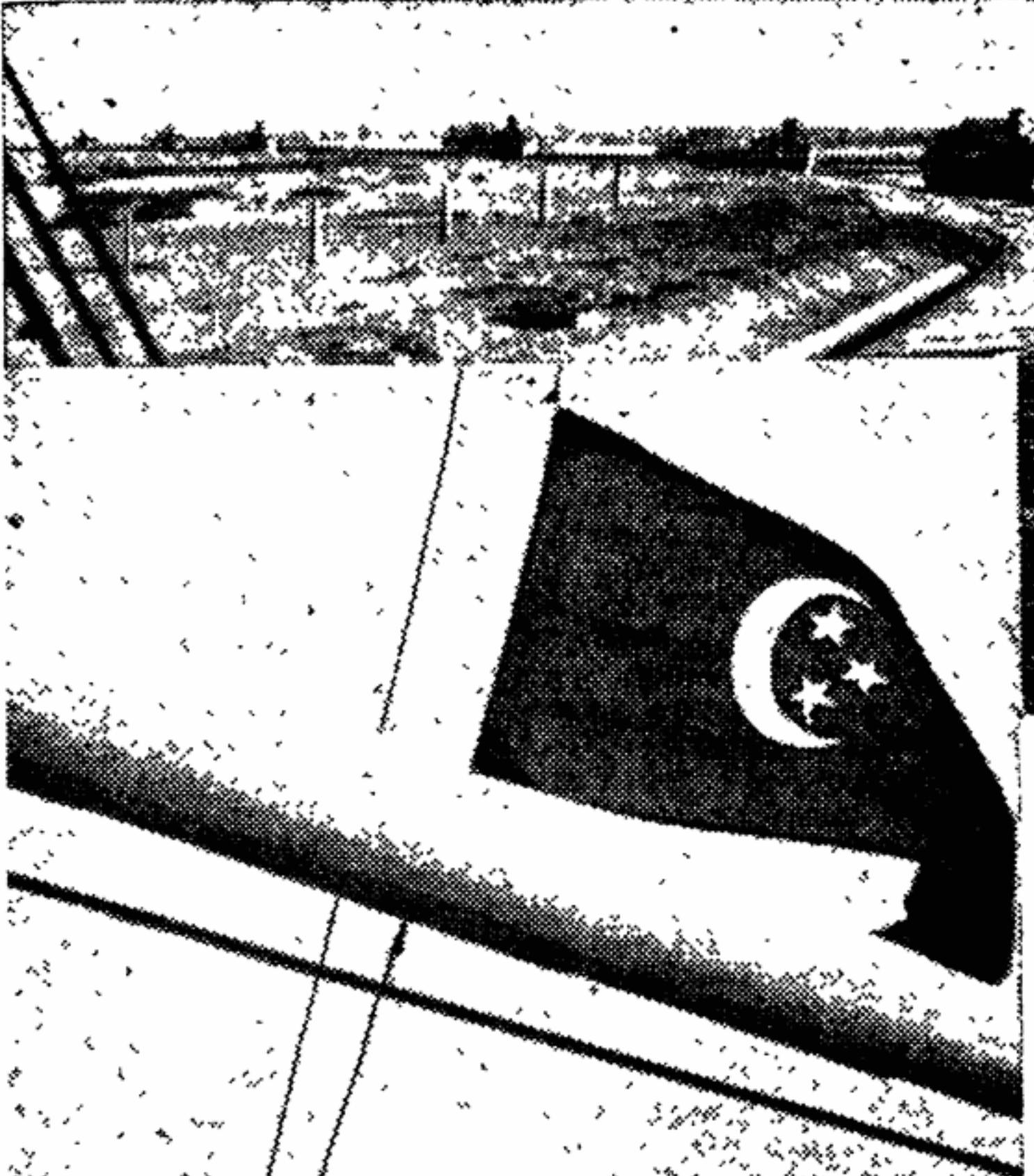
Поэт сам — я имею в виду стихотворение «Акварель» — помогает нам познать наиболее интересные особенности своей художественной манеры. Он вглядывается в «столпы» и «бледные» образы, сложенный тайной ненавистью и гневом. Это уже совсем особенный рисунок: акварель, помогающая проникнуть в сокровенные псымы простого человека.

Направление поэзии Г. Менока определилось еще в 30-е годы, когда его родина была провинцией боярской Румынии и поэт «детским стихами... описывал недетские печали», дав клятву «твор

Караван проходит через Суэцкий канал...

Фото и текст Мих. НИКИТИНА

Много раз в нынешнем году проходили через Суэцкий канал советские торговые корабли, направлявшиеся в порты Индии, Бирмы, Малайи, Индонезии, порты Дальнего Востока. Не изменилось положение и теперь, после национализации Египтом компаний Суэцкого канала. Уже в дни, когда над зданием превращения канала рял национальный флаг Египетской Республики, этим водным путем прошли балтийские суда «Иван Ползунов», «Димитрий Пожарский» и другие. Вот несколько фотоснимков, сделанных в этих краях во время недавнего путешествия.

Торговые суда проходят по Суэцкому каналу.

В знак уважения суверенитета страны матрос К. Юханов поднимает на мачте советского корабля государственный флаг Египта.

Порт-Саид — северные ворота в Суэцкий канал. Здесь формируются караваны судов, которые под проводкой лоцманов следуют на юг, к Красному морю.

На рейде Порт-Саид происходит дружеские встречи с египтянами. На борт советского теплохода поднимаются швертвокши, представители портовой администрации. Они тепло приветствуют советских моряков.

Это — Суэц. Южные ворота канала. Здесь заканчивается путь караванов, направляющихся в Красное море.

Суэцкий канал пройден. С египтянами-швертвокшиками, товарищами по совместному плаванию по каналу, советские моряки расстаются, обменявшись крепкими рукопожатиями и желающим друг другу новых хороших встреч.

Опасный сговор

Пивной погребок в Западной Германии. С кружками в руках большая компания офицеров оживленно беседует... Что это? Одна из фотографий, часто публиковавшихся немецкой печатью во времена гитлеризма! Тогда встречи в подобных местах были модны: «кам фюрер» начинал когда-то свою карьеру в пивном погребке. Но нет. Снимок сделан совсем недавно, фотокорреспондентом Гаррисоном Мартином, прикомандированным к войскам НАТО. Американский журнал «Ньюсик» поместивший фотографию, сопровождает ее такой подписью:

«Немецкие военнослужащие и американские инструкторы во время традиционной встречи в пивном погребке...»

Судя по снимку, мир и согласие царят под низкими сводами пивной. По замыслу «Ньюсика», фото должно продемонстрировать близость американских и западногерманских вооруженных сил. Что ж, в этом отношении оно, действительно, весьма символично. Однако засфиксированное на нем событие — лишь один эпизод все крепчущей связи милитаристских кругов обеих стран.

В последнее время, особенно после принятия бундестагом закона о воинской повинности, сговор западногерманской

американской военщины принимает все более явный и зловещий характер. Одна за другую отправляются в США группы офицеров нового вермахта — знакомятся с новой американской военной техникой, с организацией вооруженных сил. В июле и августе две группы высших офицеров из Западной Германии посетили ряд американских армейских баз, где изучали структуру и методы операций азиатско-австралийских войск.

Они ознакомились также с вооружением авиаразведчиков, присутствовали на учениях.

Недалеко до того несколько групп офицеров из Западной Германии прибыли в США, чтобы пройти курс обучения в различных военных школах и на кораблях военно-морского флота. Руководитель одной группы подполковник Герберт Рейдель заявил представителям печати: «Мы очень благодарны за возможность изучить то, что вы достигли здесь за последние десять лет. Я уверен, что этот опыт понадобится нам при наращивании сил нашей новой армии». Сказано откровенно. Ну, да ведь и американские праправящие круги не скрывают, зачем, собственно, они пригласили западногерманских милитаристов в США.

Большое число офицеров США посыпано в Западную Германию, где под их непосредственным руководством воссоздается сейчас вермахт. Американские инструкторы

на военной базе в Мунстерлагере в Нижней Саксонии обучают части боннской армии обращению с американскими танками. Служащие западногерманских военно-морских сил проходят учебу у американских инструкторов в Вильгельмсхафене, летчики в Фюрстенфельдбруке, Ландсберге и Кауфбойрене. «Во время их обучения на американских аэродромах в Федеративной Республике, — сообщало западногерманское агентство ДПА, — слушающие немецких военно-воздушных сил будут подчинены верховному командованию американских военно-воздушных сил». Таким образом, формирование вермахта и обучение его личного состава проходят под контролем американских военных властей. В Бонне созданы даже специальная военная миссия США, наблюдающая за деятельностью легионов американских инструкторов.

Дело, однако, не ограничивается инструктажем и демонстрацией американской военной техники. Из США поступает вооружение для западногерманской армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил. Это — ковыльного типа

танки, самолеты, минные тральщики, бронетранспортеры, самоходные орудия, пулеметы, винтовки. Все это вооружение Западная Германия получает бесплатно в качестве подарка стоимостью в один миллиард долларов от правительства США, сделанного, разумеется, за счет американских налогоплательщиков.

Снова, как после первой мировой войны, потоки американских долларов возрождают жизнь немецкого вермахта. Вчера враждебный — германский милитаризм вооружен новейшим оружием, в том числе атомным. Это — опасная и преступная политика. Пока что США выступают в качестве инструктора и руководителя западногерманской военщины, но долго ли они будут оставаться в этой роли? История — судорогий учител, она же жестоко наказывает тех, кто плохо усвоил ее уроки... Пожалуй, об этом прежде всего следует вспомнить журнальную «Ньюсик», поместившую фотографию Гаррисона Мартинса, восхваляющую «дружбу» американских и западногерманских милитаристов.

М. АЛМАЗОВ

по страницам зарубежных литературных изданий

«В защиту социалистического реализма»

«Одна из первоочередных задач, которые вытекают из решений II съезда писателей Чехословакии и которые ставят перед всеми писателями письмо Центрального комитета партии, — это глубоко продумать многие серьезные вопросы нашей литературы», — так пишет еженедельник «Литература и новинки» — орган писателей Чехословакии в небольшой редакционной заметке, которой открывается материал дискуссии о «живых проблемах социалистического искусства». Начиная эту дискуссию, еженедельник публикует статьи чехословакских критиков Иржи Гаека «Крылья социалистическому искусству» и Владимира Достала «В защиту социалистического реализма».

Оживленные творческие споры литераторов стран народной демократии, явившиеся следствием благотворного влияния решений XX съезда КПСС, приносят немало нового и ценного в рассмотрение ряда важных вопросов развития современной литературы. Однако порою в этих дискуссиях высказываются утверждения противоречивые, а то и просто ошибочные, вредные. Эти утверждения опровергаются многими участниками обсуждения. Так, значительная часть статьи Владимира Достала «В защиту социалистического реализма» посыпана критикой положений, высказанных польским литератором Яном Коттом в его докладе на XIX сессии Совета культуры и искусства Польши.

Как известно, Ян Котт, о выступлении которого уже писала «Литературная газета», попытался в своем докладе зачеркнуть все прошлое советской литературы, представив дело таким образом, будто бы в ней не было создано почти ничего, заслуживающего внимания. Он обрушился на этиот социалистического реализма и на самый художественный метод новой литературы, принятый не только писателями Советского Союза, но и многими литераторами различных стран мира. Высказываясь в статье Яна Котта, его умозрительные построения не выдерживают, как пишет В. Достал, критики фактов.

В статье «В защиту социалистического реализма» отмечается, что утверждения польского критика не являются результатом «щательного рассмотрения исторической действительности». В. Достал говорит, что исследователям предстоит еще большая работа по изучению советской литературы, работы, которой могут лишь помешать бездоказательные концепции Яна Котта. Он пишет, что литераторам и критикам «...было бы полезно задуматься над развитием советской литературы последнего двадцатилетия, ответить на вопросы, почему, например, захихикала сатира и отсталая драма, но попытка сделать это, основываясь на плохих осознанных тезисах, без объективной оценки действительности, есть одна из наихудших ошибок».

Советская литература потеряла в тридцатые годы Маяковского, Барыцкого и Горького. Это не могло не ослабить ее. Но можно ли говорить о деградации, если в тридцатые годы возникают «Педагогическая поэзия» Макаренко и «Как закалилась сталь» Островского, если именно на современных темах выступают Леонид Леонов, Илья Эренбург, Константин Паустовский, Аркадий Гайдар, Петр Павленко, Федор Глазков и Юрий Бирюков, если знамя советской поэзии несут такие поэты, как Александр Твардовский, Николай Тихонов, Михаил Светлов, Дмитрий Керин и другие.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела, известной своим космополитическим характером, присутствовали писатели Бирмы, Китая, Индии, Корейской Народно-Демократической Республики, Непала и Демократической Республики Вьетнам. Послания, поддающие цели этой задачи, были получены из Индонезии, Японии, Пакистана, Цейлона и других стран.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Сегодня новый дух пробуждения объединил страны Азии. Переходы, воздвигнутые империалистами между странами Азии, рушатся. Тако снега многолетней апатии и невежества.

Недавно в Дели состоялась встреча представителей литературы нескольких стран Азии. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конференции. В ее включены такие вопросы, как положение литературы в разных странах Азии, и на конференцию писателей стран Азии.

Собрание открыто г-н Кристина Менон, государственный министр без портфеля. В переполненном зале Западного дворца Квинсдей, самой фешенебельной и веселой улице Нового Дела. Была принята предварительная поставка для конферен